

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН НА ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕКРЕСТИИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Утончённые стихи поэта, загадочно обособленного, могут найти отклик лишь в узком элитарном кругу, но общее свойство поэзии — искренность, найдёт отклик в сердце каждого читателя. Предельная искренность, проистекающая из намеренного выбора самого непосредственного и лишённого всяких условностей способа выражения, непосредственная передача поэтического смысла — главная привлекательная черта поэзии Павла Косякова и его новой книги «Память ветра» (стихи 2010-2011 годов).

Сейчас поэтическая оригинальность получила самое широкое распространение, но она скорее связана чисто с формальной стороной построения стиха и отсутствием не столько глубокой содержательности, сколько её пустотой.

Павел Косяков — поэт с построением и мелодикой стиха, словарем и интонацией традиционными, отказавшийся от любых формальных ухищрений, призванных привлечь внимание к автору: его интонация воспринимается скорее как свидетельство достоверности живой естественной речи (даже с нарочитой порой её угловатостью и даже грубостью в отдельных сатирических стихах), а сама эта речь представляется совершенно непринуждённым выражением всего того поистине чудесного, что поэт *реально* увидел и прочувствовал. При кажущейся простоте стихов книги «Память ветра», в них есть внешне скрытая, но проявляющаяся чуткому слуху через ассоциативные ряды и полифонию образов художественная впечатлительность к мистической *подкладке* повседневной жизни, к тайной её сердцевине, что придаёт поэзии редкую в наше время основательность и содержательную глубину, что ясно осознаёт и сам поэт: «Какой бы силою безмерной // Дышал мой угловатый стих...».

Для нашего поэта жизнь — непрерывная череда переломных ярких моментов, сохранённых и озарённых поэтической памятью (*памятью ветра*), её пронизывает *ветер перемен на перекрестии времени и пространства*.

Пятичастная композиция книги точно отражает главную идею и проблематику книги, создаёт драматургию её поэтического действия, которое ведёт читателя с неослабевающим интересом по её страницам.

Первая часть книги «*Течёт дорога сквозь меня*» озаглавлена ключевыми строчками стихотворения «Когда в полях брожу порой...», открывающего поэтический цикл с тематикой «странствий», пронизанных «*ветром простора*»:

Шагать без усталы, любя
В себе бездомность и безвестность
Любить, как может быть, тебя
Ещё полюбит эта местность...

«Путные огни»

И далью земных дорог от далёких «Саян», «Таймыра», «Камчатки», «Алтая», «Карелии», «Селигера», «Архангельска», «Валаама» до «сердечных мест» русской провинции и деревни. Впечатляющая география (!) реальных путешествий, отражённая и в названиях, и в содержании стихов этого цикла, наполненных «переизбытком сил и чувства» поэта:

Видишь всё. Всех в пути узнаёшь,
Обнимаешь в охапку подолгу.
С первым встречным на станциях пьёшь
И смеёшься и плачешь без толку...

«Полустанки»

Поэта, который «с послушанием монаха ... шёл на путные огни, едва чадающие из мрака», послушный «таинственному зову»: «Сердце русское, мчишься куда!?!», ответ знает «только трава лебеда, что растёт вдоль ночных перегонов».

В стихах слышится новая метафорическая разновидность традиционного поэтического высказывания, обладающего особым художественным воздействием, которое волнует читателя и будоражит в нём поэтическую «*память ветра*», когда «*и верится, и помнится, и за душу берёт*»: «Речка, скалистой тесниной заужена, // Пенится в струях волос», «Кедры таёжные мшистыми латами // Грозно застыли в строю», «Месяц таинственный сказочным отроком // Лодку причалит к мели» («Саяны»); «Санскрит тропинок Рериха», «Веков твоих поленица восходит в облака», «Когда за белой конницей // Снег белый упадёт» («Алтай»); «У быстрины бубнит коряга, // Стережущая сон реки» («Вечер у реки»); «На привокзальном апрельском ветру // Млеют железные кони» («Россошь»).

Свежесть и простота отражений «Дома» жизни, «землицы», «без которой не родиться, не представиться нельзя» свидетельствуют не только о силе описаний неодушевленного мира «*ветра простора*»:

Пылит за мной околица
С ромашкой на губах
И стелиться, и клониться,
И тонет в омутах.

«Провинция»

В лучших стихах поэта обычные явления природы одушевлены и даже исполнены сакрального чувства:

Заря струится по стволам,
А за стволами
Огнём пылает Валаам
Под куполами.

Рассветных рощ сосновый дух
Скользит под своды.
И вот уже ласкают слух
Псалмы природы...

«Рассвет на Валааме»

И слиты с сильнейшими волнениями души, полной таинственного внутреннего богатства:

И покаянная слеза.
И боль увечья.
И образа... И голоса...
На всех наречьях.

«Рассвет на Валааме»

Стихи, завершающие цикл, в которых «*ветер памяти*», «*ветер простора*» пронизывает, как возвращение к истокам, к миру детства, когда «так хорошо и спокойно душе»; возвращение из странствий в «Мой дом», простор души, где «одному не одиноко», или уход в последнее странствие: «Мои друзья уходят в светлый путь».

В финале в стихах является поэтическое перекрестие всех земных путей с вечностью, которое звучит как единый гимн пространству и времени:

Человек бредёт по миру...
Он ночует в облаках.
Он, поверх земных утопий,
Носит вечность на руках.
Он не ведает начала,
Он не требует конца,
Лишь бы музыка звучала
Встречным ветром у лица.

«Музыка дороги»

Этот «гимн» овекает читателя уже «*ветром времени*» и вводит в следующий предел книги «*Мне ведомо время*», где единое сопряжение времени, его пространства и постижение их. Его идейный метафорический образ: «над вечным покоем горит окоём, запаленный ветром пустыни», звучит как торжественный зачин, вводящий в многоликость «времени», отражённую в разнообразной тематике этого поэтического цикла.

Его открывают образы исторического, национального времени, судьбы отечества («Пехоты гвардии солдат») в памяти народной: печальный рассказ «о днях давно минувшей битвы», звучит и как смиренное покаяние современного поколения:

Зачем я здесь? И кто таков?
Кто я пред ней (глухой, убогий),
Застывшей камнем у дороги,
На перекрестье всех миров!?

(«Тонёхонькая, как лоза...»)

Но «кто-то» мистически берёт за руку поэта, как дитя («в руке безвольная рука»), и вдаль «*дорога времени*» потекла... от «Чистых прудов — к Площадям революции» (исторические символы жестоких перемен), в наш «О, этот сумасбродный век», «где за спиной его века, оцепеневшие от ужаса». Поэт с иронией взирает на нелепые «Статуи», свидетелей «властности и строгости» совдеповского прошлого; и саркастически, иногда и с брутальным гротеском («Такое в аду не присниться») изображает позорные,

растленные личины «бедовых» лет России, стоящих «на кровавом кутеже» от «девяностых» до наших дней: «Ваши алчущие души // Поглотили барыши» («За моря гляжу, за горы...»); «Гулёна, приживалка, грешница, // Варягу всякому жена, // Твоя витринная столешница // Сиротской долей возвращена» («Тверская улица»); «Подземные дети надмирной страны // Мы в мраморных бликах сочимся сквозь недры» («Столичное метро»). В этом мутном потоке нечестивого времени, когда «нет хозяина земле, духу, человеку», его властители («ишь, порхают на метле», «нелюдь всякая впилась... каждому по ложке») оставляют народу место лишь «В прицепном вагоне», но там открыто звучит голос разоблачительной правды, услышанный и принятый сердцем поэта.

Да, наше прошлое и настоящее и будущее «на любви стоят, на муке» и слиты в сущностном и провиденческом смысле исторического и человеческого бытия:

А в России всё бедово;
Что не колокол — набат,
Что не поле — Куликово,
Что не терем — Китеж-град!

«За моря гляжу, за горы...»

Эту истинную связь времён не дано порушить никому:

Ещё не все объяты сроки,
Не все отмерены пути.
Ещё безмолвствуют пророки.
Ещё бесчинствуют вожди.
Ещё победы неминучи
И до утра огни в домах.
Ещё царит счастливый случай
В неопечаленных умах.

«Исторические времена» сменяются в цикле на «времена года», «время суток», — естественный слитный круговорот времени, «а впереди всего лишь жизнь, и ничего помимо жизни», «где природа вся в тебе, как и ты в родной природе». В стихах это передано поразительно тонко, проникновенно, одновременно и чувственно, и душевно: «Заскучаешь по теплу, // До земной глубинной дрожи, // Припадёшь щекой к стволу, // Ощущая, — нет дорожке»; нежными и яркими метафорическими образами: «Одуванчиковый пух — // Всё, что нужно для опоры» («Есть такая связь в судьбе...»); «зов оттаявшей земли» звучит в душе как «небесные смычки» («Весна в Москве»); а «поветрие... сидит купцом, весенится, бубнит под нос псалтырь» ведёт душу к извечному воскресному обновлению («Весеннее поветрие»). Вечное возрождение жизни поэт представляет в фольклорном олицетворении «домовитого» явления весны с дорогими дарами природе, «лесам — щебетанье пичуг», и человеку, «румяна — к щекам молодух» («Поздняя весна»); элегический поэтический камертон высвечивает уходящее лето «нас печалит сроками», «и лица наши грустными окружками скитаются» неприкаянно.

Метафорический образ бега времени, как лейтмотив «ветра» пронизывает стихи — он в неповторимости, мимолётности ускользающих дней: «Улетают... Улетели... // И уже не прилетят» («Листья в красках акварели...»), в их зыбкости, тревожности ощущения грядущего, как неведомой стихии, и затерянного в ней одиночества путника:

По тающей кромке бредёт человек
Сквозь город, себя и погоду.

Он машет руками, ровняя свой шаг,
Он шурится ветру на встречу...
Он шепчет проклятья, по снегу скользя,
Он запахи ловит тревожно...

«Столица. Январь»

«Погода» времени неожиданно может жестоко обернуться беспощадной природной стихией: «Жара обступила, как ворог». Поэтический переход от реальности и идейное развитие метафорического образа исторической «погоды»: это дымный угар века, как «небесная кара» утратившему веру народу, которую «надобно снести», ради очищения и воскрешения в делании: «Наладить косу на держак! // Воды колодезной напиток!» («Телега, вросшая в бурьян...»).

Душа поэта ищет духовной свободы, выходит за пределы реального времени и пространства, где мы «скушны, сирь», в иное поэтическое измерение, «неба грань», ищет чаемой гармонии в грёзах наяву: «мир покачнётся... // И брызнет свет из-под руки, // И в каждой ветке улыбнётся» («Рассвет на Головинских прудах»); и во сне: «на кораблик... на бумажный... // Лишь бы только плыть и плыть» («Ночной порт»); «снятся... млечные пути поэтам» («Сны»).

И далее в стихах возвращение к реальности, но на ином метафизическом уровне:

Распускает дни недели
Жизни юркая кудель...
И, как слёзно не божишь,
Мчит с последним оборотом
Ускользящая жизнь.

Земной круг исторического, личного времени замыкается... переходит в вечность: «То ли был ты, то ли нет...», когда земное странствие во времени и пространстве («Но светил загадочный // Свет моих дорог») переходит в небесное («наша память разучит простую грамматику звёзд»).

Наш истинный путь — к Свету, есть странствия *«ветра свободной души»*, самопознание. Этой теме отдана исповедальная часть книги с заглавием, очень характерным для образа лирического героя: *«Бежать... на задворки не примирившейся души»*, которая представляет неизменно личное отношение к невзгодам бытия: ясное, вразумительно оптимистичное, без усложнений, даёт изображение особой фазы душевной истории, известной только поэту.

«Вы спросите, как я живу», напрямую обращается поэт к читателю, и из стиха в стих ведёт своё откровение души стилистически выразительной анафорой, создающей замечательный образ, духовно и чувственно ощутимый, мучительного, но страстного дыхания жизни поэта в такт духу «приговорённой эпохи»:

Живу, как сумерки во рву,
Как куст рябины на обрыве.
Как мглой затянутая высь,
Как осознанье чёрной вести...
Как стон, как судорога глаз,
Как остриём по сухожилию...
Живу от выдоха до вдоха...

Светлыми, исконно славянскими, православными (не декларируемыми, а выношенными сердцем) стремлениями братства, любви к ближнему исполнена чистая душа поэта, как Новому завету хорошей жизни:

И так стало слёзно, что жизни огонь
Легит, превращаясь в горошину...
И я протянул человеку ладонь,
И мы обнялись по-хорошему.

«В хорошую пору, в хороший денёк...»

Но Душа поэта (представлена в стихах, как метонимический образ бабочки, традиционный символ Психеи) в суровой реальности бесприютная («ни вам, ни вечности не нужен») скиталица, гонимая «потёмками» жизни, но внутренне стихийно свободная:

Пихнёт мою слепую тень,
Как подвернувшийся булыжник...
Моей души нежнейший шёлк
Под сапожищем встрепенётся,
Расправит долгие крыла,
Умчит, никем не узнаваем,
Сквозь ночь на поиски тепла...

(«Когда в потёмках октябрей...»)

Мотивы одиночества, скитаний человека всегда присутствовали в русской поэзии, как сопровождающие их образы ночи, стужи, метели, ветра. Наш поэт продолжает традицию, особо это акцентируя эпиграфом из А.Фета, но по-своему поэтически развивая, придавая иную огранку известным образам и мотивам:

Замаять вертится, как мельница,
Тащит в глушь за локоток.
Человек обязан встретиться
С тем, кто так же одинок.

Стужей сеченный, калеченный,
Он дойдёт сквозь сотни вех...

«Снег спадающий не тающий...»

В стихах цикла *«ветер свободной души»* поэтическое высказывание, как стяг на ветру времени и пространства с вызывающим девизом: «Дышать! Дышать! // Бежать! Бежать! ... // За ось земную, // На задворки, // Не примирившейся души!» *веет* как вольная стихия, устремлённая к небу:

Должно быть я птичьего роду,
Коль мне тяготенье не впрок,
Коль я на полёт и свободу
Безгрешную душу обрёл.

«Должно быть, и в правду я грешен...»

Любовь — тоже стихия, *«ветер любви»* гуляет на поэтических страницах четвертой части книги *«Наука женщину любить»*, продолжающей исповедь души поэта «на поводу тоски сердечной».

Ироничное название (перефраз пушкинской «науки страсти нежной») задаёт тон первым «весёлым» стихам, когда лирический герой в образе зачарованного «дурня» улыбается каждому встречному (в стихах ли, наяву?) оболстительному женскому образу и его чувственным деталям, описанных с неистовым реализмом, «пропадая подкаблучником у красы под каблуком». Аритмия настроения начинается со стихов с эпатажным названием «Лахудра», развенчав искусственную, сделанную красоту из нереальности призрачного, миражного зазеркалья, поэт протестно заявляет: «я за красу, но земную». По воле знаковой поэтической стихии: *«Ветер* ветреную женщину ведёт», происходит Встреча с ликом истинной, вечной женственности, явленной образом рождённой из пены морской богини любви:

Вскинет голову игривая,
Топнет ножкой в пену волн...
...
Вспыхнут молниями плети,
Брызнут капли в волосах...
Только море, только ветер,
Только звёзды в парусах!

«Морской ветер»

Лики женственности, любви «ради жизни на земле» в стихах многообразны: от русского земного эроса, который «щами кислыми врачует мой постой» («Гляжу со всеми смыслами...»); в фольклорно-сказочном уборе грёз: «сплетали б руки повиликой» («Ходили б тропочкой одной...») и лубочной в ритме задорной гармоник: «Медами стелется // Трава-метелица, // И губы пенятся, // Как майский мёд!» («Живу на пасеке»), «Губы, словно целовальник, // Так и пышут кумачом» («Навеселе»); «чувства тонкого», «тайного участия» флирта на безобразном фоне праздного разгула («Курортные стихи») с ироничными перепевами блоковских строк; походной, но чистой и романтической: «Мне было и будет довольно // Лететь на твой запах волос» («Карельский вальс»); мимоходно-платонической на один вечер: «жизни прожитая мера // Держаться берега велит» («Столик на двоих»); когда сама природа раскрывает влюблённым свои снежные объятия: «Когда так губы хороши, // Свежи и жгучи на морозе!» («Денёк задиристо хорош...»).

Извечный мотив разлуки, прощания — исход и итог угасающей страсти: «Хвачусь тебя (как не было) // В предчувствии беды»; «Всё перепробовал, // Впору отчаяться... // Не получается» («Время не мчится...»). Но могучая власть любви способна преодолеть смертную грань, «звучи памяти извлечь» и воскресить трепетный живой образ возлюбленной: «Ты когда-то выбегала // Мне на встречу в чём была...» («Прощальное»)

«Стылый ветер сеет смуту» — образ стылой жизни без любви, которую надо хранить как высшее «благо» и как бытийно «хорошее» — выход к свету и душевному теплу мира («И впрямь пора стоит пригожая...»), как самое насущное, «необходимое»: понять, простить любимого человека («Необходимая»), принять как есть хоть и строптивое, капризное, но твоё «прекрасное дитя» («Ты кривишь губы, снова уходя...»).

Время любви, как и время жизни, быстротечно, и его унесёт *«ветер»* вечного странствия:

Мы стоит едва
На длину руки.
Мимо нас слова,
Мимо нас шаги.
Проседает твердь.
За меня держись!
Позади нас — смерть.
Между нами — жизнь!
...
Впереди века.
Впереди стихи.

Камертон чистого поэтического звучания этих замечательных стихов подводит читателя к заключительной части *«Ушёл на поиск истины и слова»*, где бушует вольный *ветер поэзии*.

«Болдино», «Осень в Константиново» — стихотворная дань памяти великим поэтам Пушкину и Есенину. К трём «небожителям», «аборигенам» русского Парнаса (в двух, четырёх строчках намечен их поэтический портрет) обращены призывные оклики поэта: Есенину — «Кто там пшеничным локоном // Свесился в глубь озёр?»; Рубцову — «Кто там, прикрыв воротину, // Смертную чуя связь, // Тихую свою родину // Крепит за коновязь?»; Василию Фёдорову — «Кто там, чтоб смыть постылое, // Выстудить в сердце сор, // В озеро входит стылое, // В детство своё — Кайдор?»; и гордый «выдох» автора: «Ждите меня на жительство» («Воздух втяну решительно...»).

Поэтическое вдохновение, как томление сердца «в нахлынувшей благоде», как нескончаемая песня («Благода»); «молчать молчаньем пирамиды... до атрофии языка, ... до овладенья даром речи» («Дар речи»); лист бумаги, как «белый русский снег» с росписью поэта, ушедшего «на поиск истины и слова» — образы истинного творчества.

От него столь далеко ремесленная подделка современных графоманов-«стихоплётгов», цепляющих «выпотрошенье слов» («Стишат прибрежных невода...»); их «стишата» «как голодные мышата, прогрызают дни» («Молчаливы и тихи...»); они, сбившиеся в кучу «иноверцы» с «линялым сердцем» и с «изворотливым пером» («Весна дарует всем права»), рождающие не стихи, а пародийные «Гримасы времени».

Последняя страница книги унесена *ветром чтения*, и перед нашим мысленным взором явился Поэт, желавший представить читателям — и не в последнюю очередь самому себе — *«Память ветра»* — как нечто столь неуловимое и бесценное, как и столь реальное и определённое, что может принадлежать только одному единственному человеку, он щедро дарит всем, и посему первостепенной его задачей касательно стихотворной формы было предельно точное воплощение в слове этого драгоценного содержания: *вольного ветра простора, времени, души, любви, поэзии*.

*Наталья Нагорная,
доктор филологических наук*

ТЕЧЁТ ДОРОГА СКВОЗЬ МЕНЯ

* * *

Когда в полях брожу порой,
Иль в поездах куда-то мчусь я,
Во мне тоска, во мне покой,
Переизбыток сил и чувства.

Уронит ли калины куст
Палёный лист, иль скрипнет ясень,
Мне каждый трепет, каждый хруст
И каждый отсвет — чист и ясен.

Не различая ночи, дня,
Терзая высь, кружась отлого,
Течёт дорога сквозь меня
И далека моя дорога.

сентябрь — октябрь 2010

ПУТНИЕ ОГНИ

Люблю под вечер, напрямки,
Как промотавшийся гуляка,
Шагать, шагать на огоньки,
Едва чадающие из мрака.

Вдыхать далёкие дымы,
Верстать овраги и дубравы,
Не зарекаясь от суммы,
Вдали от почестей и славы.

Шагать без устали, любя
В себе бездомность и безвестность.
Любить, как может быть, тебя
Ещё полюбит эта местность

За прожитые вместе дни,
Где с послушанием монаха,
Ты шёл на путние огни,
Едва чадающие из мрака.

март 2010

ПОЛУСТАНКИ

Привокзальный качнётся киоск.
Даст гудок машинист для проформы.
Скорый поезд «Москва — Кисловодск»
Отправляется с третьей платформы.

Замелькает незримый пунктир,
Утверждая сквозь дни окаянства,
Оставленье забот и квартир,
Обретенье себя и пространства.

Блажь колёсная. Скрежет рессор.
Будто ты, уходя, понемногу
Сквозь столичный стекая зазор,
На большую выходишь дорогу.

Видишь всё. Всех в пути узнаёшь,
Обнимаешь в охапку подолгу,
С первым встречным на станциях пьёшь
И смеёшься, и плачешь без толку...

Сердце русское, мчишься куда!?
Из каких выпадаешь вагонов?
Знает только трава лебеда,
Что растёт вдоль ночных перегонов.

Вот за этот таинственный зов,
Может быть, самой чистой огранки,
Полюбил я гудки поездов
И железных дорог полустанки.

март 2010

САЯНЫ

Стелется, стелется облака кружево
На одинокий утёс.
Речка, скалистой тесниной заужена,
Пенится в струях волос.

Кедры таёжные мшистыми латами
Грозно застыли в строю,
Где косолапый мохнатыми лапами
Льдистую ловит струю.

Убыль закатная хмурится, полнится.
С белых макушек гольцов
Липких туманов незрячая вольница
Гонит к жилью храбрецов.

Утлые заимки светят кострищами,
Скрытые мхами по грудь.
Бородачи, скрежеща голенищами,
Правят по отблескам путь.

Мгла всё стремительней, гуще, напористей
Двигается плотной стеной.
Тетеревов с глухарями на поясе
Не разглядеть под рукой.

Скрипнет за путником дверь настороженно.
Вспыхнет лучина сквозь мрак.
Будет за чаркою всё подытожено
Под перебрёхи собак.

Скорая ночь лес укутает мороком.
А за окошком вдали
Месяц таинственный сказочным отроком
Лодку причалит к мели.

март 2010

ПУТИВНА

Скрежешет проржавленный траловый трос.
Треской перегруженный сейнер,
Бросаясь с кипучей волны под откос,
Всё дальше уходит на север.

Пусть окрик старпома навязчиво груб,
И глотку терзает икота,
Но пуще компаса ложится на румб
Путины сезонная квота.

Уйдёт по дуге дважды списанный трал
(Солёный фольклор на подкормку).
Готовьте запазухи — близок аврал,
Коль трюмы забиты по кромку.

Бурлит за кильватером плоть косяка.
Пути перекрыты к отходу.
Парит выше рубки душа рыбака,
Забыв про долги и икоту.

Багры и лопаты, да жилы в кулак
Безропотно, остервенело...
—Давай пошевеливай, мать твою так!
Кричит бригадир то и дело.

Ну, вот и конец моим долгим трудам.
В дыму сигаретном каюта.
Попросят улов — я улов весь отдам
За горстку тепла и уюта.

Уляжется качка. Портовый причал
В ответ пробасит мне знакомо,
Что лучшего места никто не встречал,
Чем берег родимого дома.

апрель 2010

ТАЙМЫР

— Ну, здравствуй, Таймыр!

Он ответит

—Здорово!

Дохнет холодком

С ледяного покрова,

Облепит мошкой,

Засопит добродушно

— Не надо ль чего?

— Нет, спасибо, не нужно.

Сиреневый ягель

И розовый ягель

Хрустит на губах

У оленьей ватаги,

А сверху, удрав

От несчастной бабуси,

Летят в Путораны

Полярные гуси.

Летите, летите,

Свободные птицы!

Июньское солнце

Не знает темницы,

Не ведает зависти

В тундре еранга,

Не ведомы тропы

Теснинам Бырранга.

И то, что я здесь —

Неплохая затея.

Привет, моя родина —

Гиперборея!

июнь 2011

КАМЧАТКА

От Московской брусчатки
Еду в самую глушь —
В Петропавловск-Камчатский
Присмотреть мёртвых душ.

Но ветра, завывая,
Не сулят барыша.
Всё живая... живая...
В каждом доме душа.

«Нива» мчится не робко
В габаритах огней.
Над Авачинской сопкой
Долгий шлейф журавлей.

Отчий дом окликаю,
Сеют пух с виража.
Всё живая... живая...
В каждом взмахе душа.

Вот и срез побережья.
В лунных сумерках порт.
Тащит лапой медвежьей
Кран навагу на борт.

Сейнер дремлет, зевая,
Полнит трюмы баржа.
Всё живая... живая...
В каждом звуке душа.

Возле кромки прибоя
Постою, постою...
Что же это такое
Теплит душу мою?

И зачем, провожая,
Чайки стонут, кружа?
Всё живая... живая...
В каждом плаче душа.

Август 2011

АЛТАЙ

Алтай... Алтай... Два берега
Меж мною и тобой.
Санскрит тропинок Рериха
Под белую горой.

Катунь бежит и пенится
И точит берега.
Веков твоих поленница
Восходит в облака.

Как будто бы сомнамбула
Лелеет свой черёд.
Глаза прикроешь — Шамбала!
За инеем ворот.

И верится, и помнится,
И за душу берёт,
Когда за белой конницей
Снег белый упадёт.

Август 2011

* * *

Восток. В суровый час
К тебе свой взор направлю,
Чтоб мужество и нас
Своей настигло явью.

Где марево пустынь,
Ущелий мрачных рокот,
Где юную латынь
Ведёт санскрит под локоть.

Где дервишей приют
Парит в отвесных скалах,
Где кровь воловью пьют,
Распятых на мангалах.

И ласки пен морских,
И рощ прохладных кокон,
И полные тоски
Набеги глаз из окон.

И шхун рыбацких рой,
И вин кабацких чарки,
И улиц белых строй,
Как жемчуг на турчанке.

И путний славянин
В пыли дневного зноя
На выгребях руин,
Носивших имя Троя.

декабрь 2011 — январь 2012

СЕЛИГЕР

Кружит звёзд ночная сфера.
И блестит в её свечах
Ожерелье Селигера
На Валдайских кружевах.

Коля бежит упрямо
По прибрежной полосе.
Луговины пахнут пряно,
По соцветия в россе.

Тишина — и та умолкла.
Раздвигая берега,
Здесь берёт начало Волга —
Русской щедрости река.

Вот и сельская ограда.
Проникая сквозь плетень,
Льнёт туманная прохлада
К изголовью деревень.

Гладь озёрная колышет
Лодки углой силуэт.
След луны парчою вышит,
Словно россыпью монет.

Кружит звёзд ночная сфера.
И блестит в её свечах
Ожерелье Селигера
На Валдайских кружевах.

Август 2011

АРХАНГЕЛЬСК

Над Архангельском рваные тучи.
Рьяный ветер шлифует гранит.
И Двина пятернёю могучей
Под Петровым дозором кипит.

Рук боюсь развести — ну подхватит,
Закружит, понесёт над волной.
Заскрипят Соловецкие гати
Под моею острожной стопой.

Слышу ропот волны безответный,
Вижу долгий натруженный след,
Где портовый спасатель «Рассветный»
Бурунами уходит в рассвет.

Ветер севера. Ветер свободы.
Край земли, лишь шагни от крыльца.
Я любил тебя все эти годы
И надеюсь уже до конца.

май 2010

РАССВЕТ НА ВАЛААМЕ

Заря струится по стволам,
А за стволами
Огнём пылает Валаам
Под куполами.

Рассветных роц сосновый дух
Скользит под своды.
И вот уже ласкают слух
Псалмы природы;

Волна в скалистых берегах,
Вольна, смиренна,
Выводит где-то певчий птах
Свои колена.

Скрипят в засовах ворота,
Светлеют склоны,
И бледный инок у скита
Кладёт поклоны.

Течёт паломников река,
Впадает в храмы
Из далека... из тупика...
На Валаамы.

И покаянная слеза.
И боль увечья.
И образа... И голоса...
На всех наречьях.

август 2010

СОРТАВАЛА

В. Рахманову

Сугробы непчатых дел,
Изжоги, колики, авралы.
А где-то непорочно бел
Моторки след у Сортавалы...

Ты помнишь белый городок,
Причал пустынный в клочьях пены
И ненавязчиво степенный
В старинном доме говорок?

Тех слов полночных череда,
Их смыслов хрупкая причуда
Легко скользила в никуда,
Являясь к нам из ниоткуда.

А помнишь россыпи дорог:
Лесное кладбище, каньоны
И с доброй банькой, отдалённый,
Когда-то финский хуторок?

А вольной Ладоги озон,
Скалистых шхер вокруг химеры,
Где явь, похожая на сон,
Земные рушила вольеры?

А разве можно позабыть
Внутри столичного бедлама
Скиты и тропы Валаама —
Душеспасительную нить...

Я позабыл в смещение лет
О чём душа грустить устала.
Но помню, помню белый след
И город белый Сортавала.

март 2011

* * *

Владимиру Личутину

Приблудившееся вычеркну
(Что мне проку от прибуд)
И подамся в лес на Вычегду,
Где меня ещё не ждут.

Мимо Ковряжмы и Урдомы
В глушь меня забросит бот.
Затеряюсь между урками,
Как и прочий здесь народ.

Так и эдак стану хаживать,
Тешить клюковкою стать.
Стану всяк рядить налаживать
Междоличностную гать.

В срок возьмусь бедовой силищей,
Как непуганый медведь.
Втисну в душу, как в хранилище
Всё, чем впрок дышать и петь.

Возвернусь в края тепличные.
— Что, не ждали? Вот он я!
Вот тогда, певцы столичные,
Запоёте у меня.

апрель 2010

* * *

Ю. Куксову

Взяв нехитрую поклажу,
Из петли столичных дней,
Мы с тобой поедem в Сямжу —
Место юности твоей.

Вологодская округа.
Древних изб туманный дол...
Постаревшая подруга
Для тебя накроет стол.

Этиx встреч скупая малость,
Песни ветра у плетня...
Только это и осталось
У тебя и у меня.

Будет теплиться лампада.
В этом доме без невест
Я скажу тебе: «Не надо
Покидать сердечных мест.

Может эта вот земляца,
Позабытая стезя —
Без которой не родиться,
Не представиться нельзя».

апрель 2011

ВЕЧЕР У РЕКИ

Е. Юшину

Где-то ржёт за скирдой коняга.
Расставляет туман силки.
У быстрины бубнит коряга,
Стерегущая сон реки.

Путь вдоль берега мглист, неясен.
Затухающий свет вобрал,
С крутояра скользит неясить
В шевеленье дремотных трав.

Вековому чутью в угоду,
Утверждая свой древний быт,
Комариная туча к броду
Одинокий мой путь теснит.

Вот и взгорок, объятый ветром,
Деревенских домишек ряд.
В них на стульях под лунным светом
Что-то тихое говорят.

Может, крошки смахнув ладошкой,
Как о самой большой родне,
Вот за тем избяным окошком
Кто-то думает обо мне.

июнь 2010

* * *

Оставлю заумные книжки.
Забуду про всё и про всех.
Уеду, где дремлют домишки
Вдали от столичных утех.

Сторонка моя, ты поныне
Бесхитростно так же живёшь;
В деревне Раздоры — унынье,
В деревне Беседы — галдёж.

Родная моя, избяная,
Согретая сонмом веков,
Всего в полушаге от края
Баюкаешь сон стариков.

Гремит кольцевая дорога.
Разъяты, распяты пути.
Сторонка моя недотрога,
Ты в сторону ту не ходи.

Она запылит твои очи,
Вручит тебе волчий билет,
Окутает смрадом обочин,
Швырнёт, как окурок, в кювет.

Беги, хоронись за ограды,
Сажай свою статью под замки.
Тебе и сегодня не рады,
А завтра возьмут за грудки!

Не ряженой в царских палатах,
Не падшей, чей стыд по рублю,—
В шеломе, с божницей на латах
Тебя полюбил и люблю.

апрель 2010

* * *

После стопочки анисовой
Жизнь в деревне — ничего.
От Иншаково к Борисово —
Полторы версты всего.

Через бор, через болотину,
Через залитый мосток,
Через взгорочек — к Субботину
Дяде Ване на часок.

Дядя Ваня ждёт неистово.
Дым табачный вокруг него.
После стопочки анисовой
Жизнь в деревне — ничего.

Чуть поодаль речка-реченька
С вековым названием Пра.
Изгибается доверчиво
Женской линией бедра.

Оботру рубахой флисовой
Пот с фасада своего.
После стопочки анисовой
Жизнь в деревне — ничего.

Ах, Мещёра! Сосны — мачтами,
Парусами — облака.
Над озёрами коньячными
Мчит утиная дуга...

Виснет дрёма юбкой плисовой
У забора моего.
После четверти анисовой
Жизнь в деревне — ого-го!

июнь 2010

ПРОВИНЦИЯ

Провинция, провинция,
Смолистый дух в лицо!
Столичные амбиции
Запрячу под крыльцо.

Без пошлой амуниции
С утра по холодку
Пройдусь без репетиции
Пешком по городку.

Вольна, учтива улочка,
Не пестует под дых.
А всей поклажи — удочка,
А всей наживы — жмых.

Пылит за мной околица
С ромашкой на губах
И стелется, и клониться,
И тонет в омутах.

январь 2011

* * *

Мой рюкзак мне давно не помеха,
Мы легко научились дружить.
Лишь бы только куда-нибудь ехать,
Лишь бы только куда-нибудь плыть.

Приближаются вехи и сроки.
Отдаляются быт и долги.
Лишь бы только устать от дороги,
Лишь бы только вздремнуть у реки.

Будут снежные пики Алтая,
Будет норы реки Теберды.
Лишь бы только до самого края,
Лишь бы только до ранней звезды.

Будут снова костры над фиордом
И гитара под чуткой рукой.
Лишь бы только аккорд за аккордом,
Лишь бы только строка за строкой.

Август 2011

* * *

Он чёлочку носит слегка на бочок,
Он как бы глядит на тебя виновато,
И школьного кроя на нём пиджачок
Венчает домашней работы заплата.

Весь день он торчит у меня на виду,
А небо запалит звезду — и подавно...
Он носит в портфеле, должно быть дуду;
Всю ночь, как сверчок, в неё дует исправно.

Он рвёт на куски мой отлаженный быт,
Торопит, зовёт за собой молчаливо
И в этом молчанье и топот копыт,
И парус, скользящий по кромке залива.

О нём я не знаю почти ничего.
Но всё неотступней меж нами соседство.
Я чем-то незримо похож на него,
На этого мальчика родом из детства.

апрель 2011

ИЗ ДЕТСТВА

— Чок-чок, чок-чок,
Чи девчонка, чи мальчок?...
Я у деда на коленях,
Как на стеблике сверчок.

У дедули руки в жилах,
Ус чернявый, щёлки глаз.
Солнца дутое смешило,
Увалилось за лабаз.

Всё обласкано, согрето
И душа моя, и плоть.
У меня в кармане лето
И за пазухой ломоть.

— Чок-чок, чок-чок,
Чи девчонка, чи мальчок?...
Я у деда и у бабки
Разлюбимый казачок.

март 2010

РОССОШЬ

На привокзальном апрельском ветру
Млеют железные кони.
Россошь в черешневом тает цвету,
В медных чешуйках чехони.

Непримиримый к засилью невзгод
И милицейским заслонам,
К пиву несёт продающий народ
Рыбьи хвосты по вагонам.

Люд мимоезжий, не стой за ценой!
Вскормленный в южных лиманах,
Вяленый дух наплывает волной
И оседает в карманах.

Тронется поезд на жёлтый флажок
У проводницы в ладони,
Россошь протянет мне на посошок
Рюмку в чешуйках чехони.

Тронется поезд. Пустынный уже
Вздрагнет перрон и растает...
Так хорошо и спокойно душе,
Как только в детстве бывает.

апрель 2010

МОЙ ДОМ

Святая лесть —
Сродни надежде.
Зачем я здесь
Иной, чем прежде?
Иные сны
Радушно грубы.
До белизны
Поджаты губы.
В себе самом,
Как ищут воры,
Ищу в былом
Былой опоры.
Не отделим,
Как брат от брата,
Он был моим
Мой дом когда-то.
Мы шли в распыл
Одной трубою.
Я домом был,
А дом был мною.
Он всех забыл,
Всё вымел, кроме
Распяты крыл
В дверном проёме...
Вот почему
С любого бока
Мне одному
Не одиноко.

февраль-март 2011

* * *

Мои друзья уходят в светлый путь.
Машу им в след, не утирая слёзы.
Мои стихи в контексте грустной прозы
Уж никого не в силах возвратить.

Мир вашему пути, мои друзья,
Товарищи мои, мои предтечи...
Живым — восторг и пламенные речи,
А вам — молчанья вечного стезя.

Угомонились звуки ваших губ.
Легли на грудь смиренные ладони.
Над вами травы свесились в поклоне,
И жёлуди осыпал древний дуб.

По вам не грянет колокольный звон.
Но что вам он в расхристанной столице.
Прикормленные вами, будут птицы
По прежнему слетаться на балкон...

Мне виден след за смертною чертой;
В сплетенье крыл, диковинных растений,
Сутулые скользят в аллеях тени
И машут мне приветливо рукой.

апрель 2011

МУЗЫКА ДОРОГИ

Человек бредёт по миру
Под усмешки птичьих стай.
Он постылую квартиру
Отдал другу — «Забирай!»

Он скользит по мокрой глине,
Через дебри правит путь,
В обезвоженной пустыне
Постигает влаги суть.

Он крадётся через топи,
Он ночует в облаках.
Он, поверх земных утопий,
Носит вечность на руках.

Он не ведает начала,
Он не требует конца,
Лишь бы музыка звучала
Встречным ветром у лица.

Август 2011

МНЕ ВЕДОМО ВРЕМЯ

* * *

Мне ведомо время. И в знанье моём
Нет места тщете и гордыни.
Над вечным покоем горит окоём,
Запаленный ветром пустыни.

Пока нас качает в беспечной ладье
На волнах величья и славы,
Заплаканный инок в земном «Житие»
Выводит последние главы...

Родные мои... Нам ещё не черёд
Метаться над гибельным краем,
Но воздух, который нам бронхи сожжёт,
Уже равнодушно вдыхаем.

...Я с вами, я с вами пройду до конца,
Зелёный побег и дубрава,
Резная скамейка под сенью крыльца,
В туманных гудках переправа.

И поле, и ветер, и бег облаков,
И блеск намываемых окон,
И отзвук роняемых в сумрак шагов,
И женщины памятный локон...

Мне ведомо время. И в знанье моём
Нет места тщете и гордыни.
Над вечным покоем горит окоём,
Запаленный ветром пустыни.

октябрь 2010 — январь 2011

ПЕХОТЫ ГВАРДИИ СОЛДАТ

Штабной какой-то дуралей
Назвал царицею полей,
Огнём прижатую к болоту,
Вкопавшуюся в грязь пехоту,
С приказом, отданным в бреду:
«Занять к рассвету высоту!»

И вот она, полей царица,
Лежит, распластанной, как птица,
С прошитым пулями крылом
Под перекрёстным арт-огнём,
И множат вражьи снайпера
Кровавый след её пера...

И мой отец был в той пехоте.
И в память о погибшей роте
Твердит сквозь время невпопад:
«Пехоты гвардии солдат!»

Июль — октябрь 2011

* * *

Тонёхонькая, как лоза,
В пути мне встретилась старуха.
Сухой ладошкой, легче пуха,
От солнца застила глаза.

Печален был её рассказ
О днях давно минувшей битвы...
Я вспомнил все свои молитвы,
Произнесённые хоть раз

И в даль пошёл, куда хотел,
Где затерявшись в чистом поле,
О лебединой вдовьей доле
Попутный ветер песни пел.

И в травы лёг. Была горька
Их материнская услада.
И не нашёл в себе я лада,
Лишь только зов издалика.

Я снова вышел на большак,
Где та же древняя старуха
В непостижимой силе духа
Не отклонилась ни на шаг.

Зачем я здесь? И кто таков?
Кто я пред ней (глухой, убогий),
Застывшей камнем у дороги,
На перекрестье всех миров!?

Да если б я, хотя б на миг,
Владел её вселенской верой,
Какой бы силою безмерной
Дышал мой угловатый стих!

...Заволокла ночная мгла
Большак и древнюю старуху.
И кто-то взял меня за руку,
И вдаль дорога потекла.

июнь 2011

* * *

О, этот сумасбродный век!
Куда он тащит нас, ей Богу,
Как тот с ребёнком человек,
Перебегающий дорогу?

В руке безвольная рука.
Под каблуками брызжет лужица...
И за спиной его века,
Оцепеневшие от ужаса.

август 2010

СТАТУВІЙ

На фоне волн великолепия,
Среди двух стройных дерзких туй,
Один нелепый и подлепленный
Стоит совдеповский статуй.

Свидетель властности и строгости
Тех незапамятных времён
В чужие тайные подробности
Подробным взглядом погружён.

Пред ним аллея тенистых кружево,
Скамеек высеченный ряд
И гул, когда-то перегруженных
Под каблучками колоннад.

Он слышит чутко, смотрит сухо,
Ноздрями всасывая дух...
Бежим скорей, моя подруга,
От нежелательных прорух.

Туда, где пирс стремится к бую,
Где отмечая чей-то взгляд,
Тебя, уже не молодую,
Я зацелую без пригляд.

апрель 2010

* * *

Ещё не все объята сроки,
Не все отмерены пути.
Ещё безмолвствуют пророки.
Ещё бесчинствуют вожди.
Ещё победы неминучи
И до утра огни в домах.
Ещё царит счастливый случай
В неопечаленных умах.
И корабли ещё не утлы,
И руки тянутся к цветам.
Ещё девочкам дарят куклы
И бескозырки — пацанам.

Октябрь 2011

* * *

За моря гляжу, за горы,
На заморской жизни бег.
Как вам пьётся, Балтиморы?
Как икается, Квебек?

Ваши каменные туши
Колыхаются в тиши.
Ваши алчущие души
Поглотили барыши.

Человеческий потомок
В куче вашего дерьма
Не отыщет заготовок
В летописные тома.

А в России всё бедово;
Что не колокол — набат,
Что не поле — Куликово,
Что не терем — Китеж-град!

На любви стоят, на муке,
На кровавом кутеже...
Взять, хотя бы, те же Луки —
Глядь, — Великие уже.

январь 2011

В ПРИЦЕПНОМ ВАГОНЕ

— Нет хозяина земле,
Духу, человеку.
Ишь, порхают на метле,
Дуют дискотеку...
—Вон, гляди, поля быльём
Поросли, да мором.
А у энтих всё путём
За глухим забором.
—Нелюдь всякая впилась...
Каждому по ложке...
Власть не та, что мечет власть
Из сиротской плошки.
—Я положил свой прибор
На всю власть на троне...

Вот такой шёл разговор
В прицепном вагоне.

февраль 2011

СТОЛИЧНОЕ МЕТРО

Подземные дети надмирной страны.
Мы в мраморных бликах сочимся сквозь недры,
Мы в гулких вагонах в кулак сведены,
Меж тем, как меж нами — пустот километры.

И мчат нас составы, во тьму, грохоча,
Как будто на все времена, по инструкции,
Подписанной властной рукой Ильича,
От Чистых прудов — к Площадям Революции.

О, станций метро, оголтелые сны!
Тоннельная грусть, как зрачки у турчанки,
И морда, затёртая до белизны,
Отлитой из бронзы дозорной овчарки.

февраль 2011

ТВЕРСКАЯ УЛИЦА

От мэрии до Белорусского,
Придирчиво, не впопыхах,
Не нахожу ни капли русского
В твоих изменчивых чертах.

Гулёна, приживалка, грешница,
Варягу всякому жена,
Твоя витринная столешница
Сиротской долей возвращена.

В асфальт укутана, закатана,
Воспетая толпой льстецов,
Твоя душа давно разгадана
Советом тайных мудрецов.

Торгуешь дедовским распятием,
Плюёшь в небесные врата,
И на плече твоём проклятием
Горит сионская звезда.

март 2011

* * *

Такое в аду не приснится.
Столетний рассеялся хмель.
Москва, ты давно не столица
Заброшенных русских земель.

Я волей твоей не владею.
Ты волей моей не владей.
И мне на твою иудею
Чихать до зелёных соплей.

Поднимется русское вече,
Встряхнёт православную высь,
И будет великая сеча,
В которой тебе не спастись!

май 2011

* * *

Сквозь завесу толпы беззаботной
Из нерусских откормленных тел,
От метро по назойливой Бронной
Я пройду не спеша к ЦДЛ.

Есть местечко одно на примете;
На довольно придирчивый взгляд,
Только там ещё в нижнем буфете
На родном языке говорят.

Захочу тишины и привала,
Шаг замедлю на пару минут,
Где гранитные два пьедестала
На себе двух прохожих несут.

Где спиною к спине (слава, Богу!),
Поделив тихий сквер пополам,
Вас Алейхем зовёт в синагогу,
Ну а Блок — на Никитскую в храм.

И меня заждались в моём храме.
Там входной не попросят билет.
Там в табачном дыму за столами
Не один сокрушался поэт.

Там входящий подобен мессии,
Пусть он хмур и печален порой,
Разговор начинается с России
И с Россией уходит домой.

Уж давно будет водка допита,
Роздан список заслуг и потерь,
Будет долго буфетчица Лида
Провожать постояльцев за дверь.

Выйду в сумерки. Хлябью осеннею,
Подгулявший бомонд обходя,
По Тверскому к Сергею Есенину
Побреду под жалейку дождя.

октябрь 2010

ВЕЧНА В МОСКВЕ

Как будто крылья проросли;
Шаги легки и вдохи гулки,
И зов оттаявшей земли
С проспектов гонит в переулки.

Вчера беспомощно слепы,
А ныне, млея в искушеньях,
Головки женщин, как грибы
Проклюнулись на тонких шеях.

Сияют маковки церквей.
На паперти у сытной плошки,
Не задирая голубей,
Усы вылизывают кошки.

Звучат небесные смычки.
И за оградой на лужайке
Особо царственны дьячки
И многолюдны попрошайки.

Божись на лики, не божись,
Ропщи, иль кайся в укоризне,
А впереди всего лишь жизнь
И ничего помимо жизни.

март 2011

ВЕСЕННЕЕ ПОВЕТРИЕ

Поверьте мне, поверьте мне,
Поветрие нашло.
Под ветрами, под ветрами
Разветрилось село.

Туман стряхнуло с пажити,
Развесило холсты
И всем добром, что нажито,
Уселось под кресты.

Сидит купцом, весенится,
Бубнит под нос псалтырь.
Под правым боком — мельница,
Под левым — монастырь.

Сидит. Когда представится
Такой денёк ещё.
Вот посидит, оправится
И будет хорошо.

ноябрь 2009

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Ну, вот и нагринула. Долго
Коней запрягала. И всё ж
По взмыленным, трепетным холкам
Гуляет дорожная дрожь.

Явилась. С возов домовито
Снесла дорогие дары:
Рассветную негу — на жито,
Закатную песнь — на дворы,

Озёрам и рекам — прибаву,
Лесам — щебетанье пичуг,
Ручьи — детворе на забаву,
Румяна — к щекам молодух.

Окинула взором угоды,
Не надо ль ещё что-нибудь.
Степенно тряхнула поводья
И дальше отправилась в путь.

март 2010

* * *

Жара обступила, как враг,
Нагрыв с неведомых стран.
И вот уже лезет за ворот
Настырный её ятаган.

Пылают и своды, и недра.
Дымы расползлись по углам.
И робкие сполохи ветра,
Как дети, прижались к ногам.

Такого не помнит округа,
Ни реки её, ни леса,
Лишь храмы, не видя друг друга,
Ещё подают голоса.

Нелепость? Ошибки? Запамя?
Откуда всё это? Бог весть...
А может, небесная кара,
Которую надобно снести?

А может, невидимый кто-то,
Утративший веру народ,
На долгие тридцать три года
За тридевять моря ведёт.

Коль так, то по горним исходам,
Лелея в душе свою Русь,
Я с этим воскресшим народом
Сюда непременно вернусь.

Хлеба возродятся на пашнях,
Очистится водная гладь,
И будут хоругви на башнях
Кремлёвские ветры трепать.

июль 2010

* * *

Телега, вросшая в бурьян,
В сенях продавленный подойник,
Увитый плесенью баян,
Мехами обнял подоконник.

Скрипит прогнувшая повесть,
Как будто извиняется,
Что не выходит умереть
И жить — не получается.

Бреду остатками села.
В окошке дед белее мела...
Какая жизнь здесь отцвела!
Какое племя отшумело!

Неужто всё за просто так?
Как с этим сердцу примириться?...
Наладить косу на держак!
Воды колодезной напиться!

июль 2011

* * *

Какое лето нас печалит сроками!
Последние деньки календаря...
Оно уже не в нас — уже за окнами,
Уходит, ничего не говоря.

И мы молчим, вдруг ставшие не нужными,
Куда-то подевавшимся друзьям,
И лица наши грустными окружьями
Скитаются по скверам и скамьям.

Заболеваем старыми недугами,
Во временах упорствуя иных.
Трясёмся между Вязьмами-Калугами,
Куда-то уносясь в перекладных...

Какое лето нас печалит сроками!
Последние деньки календаря...
Оно уже не в нас — уже за окнами,
Уходит, ничего не говоря.

Август 2011

* * *

Листья в красках акварели
На холсте легко парят.
Улетают... Улетели...
И уже не прилетят.

В нашей дружеской артели
От друзей — свободный ряд.
Улетают... Улетели...
И уже не прилетят.

Мы с тобою постарели.
Наши дети вдаль глядят.
Улетают... Улетели...
И уже не прилетят.

Что ж ты гонишь дни недели,
В календарь бросая взгляд?
Улетают... Улетели...
И уже не прилетят.

май 2011

* * *

И нет ни дороже, ни проще,
Чем этот, под шорох дождей,
Над ржавою кипенью роши
Редяющий клин журавлей.
И остов заброшенной лодки,
И в дальних огнях перевоз...

И всхлипы на уровне глотки
Уже навсегда и всерьёз.

июнь 2011

ПУРГА

Отхлестала и накрест и вкось,
Отугюжила вкривь и продольно.
Ну, теперь, горевая, небось,
Твоя душенька всяко довольна!

Замела все дорожки-пути,
Заподолила рощи, овраги
И победно, пред тем как уйти,
Поразвесила снежные флаги.

Утонуло в сугробах жильё;
Ни хвоста, ни души, ни молитвы.
Заметельное поле, ты чьё
Порубежье отхлынувшей битвы?

Бездыханная белая дрожь.
Черноглазье потупленных ставень...
Но из хмурых небесных рогож
Солнца луч уже в окна направлен.

Скрипнут сени. И вот, наконец,
От безделья хмельны и помяты,
Мужики с погребённых крылец
Как снопы, вскинут снег на лопаты.

Час-другой и уже детвора,
Променяв материнские ласки,
Прошумит ветерком со двора,
Увозя за собою салазки.

Закурятся дымком тут и там
Три десятка оживших домишек,
Отдавая родным небесам
Позапечного жара излишек.

январь 2011

* * *

Столица. Январь. Убывающий снег.
Нелепая оттепель сходу.
По тающей кромке бредёт человек
Сквозь город, себя и погоду.

Он машет руками, ровняя свой шаг,
Он щурится ветру навстречу,
И хлопает следом старинный кушак
Глухой запоздалой картечью.

Он шепчет проклятья, по снегу скользя,
Он запахи ловит тревожно;
Всё то, от чего отказаться нельзя,
Привыкнуть к чему невозможно.

январь 2011

СНЫ

Сны смакуют индивиды.
Снятся модницам духи,
Лилипутам — пирамиды,
Гулливерам — лопухи.

Вопреки пустым наветам,
Романистам — стопки книг,
Млечные пути — поэтам,
Живописцам — тайный блик.

Океанам снится берег,
Берегам — морская гладь,
Магелланам — даль Америк,
Старцам — Божья благодать.

Сны разобраны поштучно.
Сны, который год подряд,
Как салюты — ярко, кучно
В разум сумрачный палят.

Кто б мы были? Скувшны, сиры,
Обезличены толпой...
Если б сны нас, как буксиры,
Не толкали пред собой.

май 2011

НОЧНОЙ ПОРТ

Мерно плещется вода.
(Мне зачем-то нужно это).
Я опять пришёл сюда,
Где полночные суда
Отдыхают до рассвета.

Спит спасательный буксир
В ожерелье из покрышек
С мудрым именем «Сапфир»,
Как какой-нибудь эмир
Из далёких детских книжек.

Рядом дремлет ледакол,
Набродившийся, бывалый.
И во сне он хмур и зол
За испорченный камзол
О ледовые завалы.

А в сторонке... грусть и ржа;
Оказавшись не при деле,
Доживает, чуть дыша,
Одинокая душа
В барже, брошенной на мели.

В тесном скопище медуз
И налипших инфузорий,
Ждёт разгрузки сухогруз,
Притащивший мерный брус
Из далёких акваторий...

Вот бы мне матросом быть!
Пусть на малокаботажный...
На кораблик...
  на бумажный...
Лишь бы только плыть
  и плыть.

апрель 2011

РАССВЕТ НА ГОЛОВИНСКИХ ПРУДАХ

Свежа воды и неба грань,
Где чайки режут лоскутами
Тумана призрачную ткань
Над Головинскими прудами.

Чуть слышен шёпот камыша.
Таинствен, лёгок бег тропинки.
И ветер, кроны вороша,
Сдувает на плечи росинки.

Плеснётся рыбина — круги
Встревожат гладь, мир покачнётся...
И брызнет свет из— под руки,
И в каждой ветке улыбнётся.

май 2010

* * *

Есть такая связь в судьбе
Неизбывная в народе,
Где природа вся в тебе,
Как и ты в родной природе.

Заскучаешь по теплу,
До земной глубинной дрожи,
Припадёшь щекой к стволу,
Ощущая, — нет дорожке.

В травы ляжешь — пряный дух
Обовьёт, проникнет в поры.
Одуванчиковый пух —
Всё, что нужно для опоры.

Промелькнёт кукушкин след.
(Вот и выпала примета).
То ли был ты, то ли нет...
И оставит без ответа.

май 2010

* * *

Распускает дни недели
Жизни юркая кудель.
Вязнешь в зыбкой канители
Убывающих недель.
Месяца понурым строем
Оставляют рубежи.
Следом годы шумным роем
Отлетают из души.
Глядь, всё выбрано по квотам,
И, как слёзно не божись,
Мчит с последним оборотом
Ускользящая жизнь.

апрель 2010

* * *

Не боюсь состариться
Под напором лет.
Всё равно останется
На земле мой след.
Неказистый, путанный
На своём пути,
Будто не с кем, будто бы
Было не дойти.
Но светил загадочный
Свет моих дорог.
Но катился сказочный
Впереди клубок...
Так ли, нет ли
хаживал —
Ты меня спроси...
Ничего не нажито,
Окромя Руси.

май 2010

* * *

Ещё будем долго на тучи
Взирать из разрозненных гнёзд,
Пока наша память разучит
Простую грамматику звёзд.

август 2010

БЕЖАТЬ... НА ЗАДВОРКИ, НЕ ПРИМИРИВШЕЙСЯ ДУШИ

* * *

Н. Зиновьеву

Вы спросите, как я живу
В Москве от бедности в отрыве...
Живу, как сумерки во рву,
Как куст рябины на обрыве.
Как мглой затянутая высь,
Как осознание чёрной вести,
Что всё же танки прорвались
На Дубосековском разъезде.
Как стон, как судорога глаз,
Как остриём по сухожилию...
Живу, раз кто-нибудь из вас
Всё это называет жизнью.
Живу от утра до утра,
Живу от выдоха до вдоха,
Пока стекает с топора
Приговорённая эпоха.

март 2010

* * *

...а жаль того огня,
что просиял над целым мирозданьем
и в ночь идёт, и плачет, уходя.

А. Фет

В хорошую пору, в хороший денёк,
Упрятав в карманы ладоши,
Глядел я, как тлеет в костре уголёк,
С одним человеком хорошим.

Апрельская роща дышала свежо.
Хорошая тренькала птица.
И мне показалось, что так хорошо
Уже никогда не случится.

И так стало слёзно, что жизни огонь
Летит, превращаясь в горошину...
И я протянул человеку ладонь,
И мы обнялись по-хорошему.

апрель 2010

* * *

Когда в потёмках октябрей,
Ни вам, ни вечности не нужен,
Случайным светом фонарей
Я буду в полночь обнаружен,
Когда с фуражкой набекрень,
Сухой законности подвижник
Пихнёт мою слепую тень,
Как подвернувшийся бульжник,
Не горячитесь — он ушёл...
Не обольщайтесь — он вернётся...
Моей души нежнейший шёлк
Под сапожищем встрепенётся,
Расправит длинные крыла,
Умчит, никем не узнаваем,
Сквозь ночь на поиски тепла
За первым утренним трамваем...
И у Таганки, на Валу,
Какой-то добрый полуночник
Увидит, как под «хохлому»
Раскрасил улицы художник.

август 2010

* * *

Зазывает ветер.
Караулит стужа.
Никому на свете
Не был я так нужен.

Выйду на подпевку
Удивлять округу.
В первый раз, как девку,
Полюбил я вьюгу.

Уведёт за тополь
Обнимать в охапку,
Зацелует вдоволь,
Заметёт по шапку...

Всё настырней ветер.
Всё теснее стужа.
Никому на свете
Не был я так нужен.

Август 2011

* * *

Дышать! Дышать!
Бежать! Бежать!
Бежать из каменного склепа,
Пусть будет выглядеть нелепо
Спины редеющая шать.
Бежать, советам вопреки,
Пусть даже это бег по кругу;
С обрыва вниз,
В насмешку другу,
Вверх по течению реки.
Бежать, оставив у межи,
Грехи, раскаянья, разборки —
За ось земную,
На задворки
Не примирившейся души!

март 2011

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Нас ещё не мало.
Нас уже не много.
Нас от пьедестала
Сберегла дорога.

Мы слагали строчки,
Не боясь подвоха.
Нас, по одиночке,
Извела эпоха.

Странники лиризма
Мы не пели ради
Псевдокоммунизма,
Псевдодемократий.

Нас в житейской драме
Назовут чужими.
Мы не стали вами.
Мы не станем ими.

декабрь 2011 — январь 2012

* * *

Должно быть, и в правду я грешен,
Коль небо люблю, а не твердь,
Коль я над сиротством скворешен
Могу беспечально лететь.

Должно быть я птичьего роду,
Коль мне тяготенье не впрок,
Коль я на полёт и свободу
Безгрешную душу обрёл.

Август 2011

* * *

Неузнаваемый уже,
Несу в себе былого крохи,
Как человек иной эпохи,
Иного груза на душе.

Давно отмеряны пути
И переписаны все сроки,
Но зов единственной дороги
Не исчезает из груди.

Не зная цепей и стен,
Не умолкай во мне, свобода, —
Единственное время года,
Не претерпевшее измен!

январь 2011

* * *

Гроза металась битый час,
Порожней силой багровея.
И пухом сыпала на нас,
Как снегом, душная аллея.

Ни капли крышам и траве
В укор прогнозам о погоде...
Есть недоверие к Москве
Который год в живой природе.

В блужданиях призрачных светил,
В глубинах перегноя где-то,
Исчезло равновесье сил
И соразмерность тьмы и света.

И мы объятья развели,
С тобой друг к другу потянулись,
Как будто в чём-то обманулись
В чём обмануться не могли.

май 2011

НАУКА ЖЕНЩИНУ ЛЮБИТЬ

* * *

Век раздаёт, глумясь, затрешины,
Пестрит разнузданностью рож...
Но если хорошо в нём женщине, —
Мир удивительно хорош!

Июль 2011

* * *

Не те цветы, не той дарить,
Не те слова, не в это ухо...
Наука женщину любить —
Наикапризнейшая штука.
С предметом этим не в ладу,
На поводу тоски сердечной,
Стою, как дурень, на виду
И улыбаюсь каждой встречной.

июль 2010

* * *

Перламутрами увенчаны,
Влёт способные увлечь,
Длятся, длятся ноги женщины
С постамента её плеч.

Два луча, две грани шёлковых,
То сплетаясь, то поврозь,
От Чертаново до Щёлково
Теребят земную ось.

Зазубрившее Акунина,
Как нашкодивший щенок,
Всё низвергнуто, приструнено,
Низположено у ног.

Да и сам я, без попутчика,
У Страстного, за углом,
Пропадаю подкаблучником
У красы под каблуком.

июнь 2010

* * *

Я ничего не смыслю в моде.
Но эти блузки у девчат...
Когда от напряженья плоти
Стыдливо пуговицы трещат.
Когда бредёшь, тоской болея,
И вдруг тебя, в пол оборот,
Неведомая Дульсиenea
Своим избытком опахнёт.
Когда теряя зыбкий разум,
Как верноподданный плебей,
Не пожалев потом ни разу,
Весь день слоняешься за ней.
Носитель дум, герой побоищ...
Вдруг понимаешь без тычков,
Что ни черта ты весь не стоишь
Её летящих каблучков.

Август 2011

ЛАХУДРА

Рассыпана мамина пудра.
В блестящей помаде бельё.
Девчонка по кличке Лахудра
Глядит в отраженье своё.

Нелепо смешное убранство.
Но с лёгкой руки красоты,
Ей зеркало, сдвинув пространство,
Являет иные черты.

И вот она в бархат одета,
В духах из диковинных стран,
Скользит, словно прима балета,
Кокетливо вывернув стан.

Ей залы дворцов рукоплещут,
Ревниво галдят за спиной
И славят её, и... клеветуют,
Упившись её красотой.

... И я за красу, но земную.
Пусть, глядя в стеклянный овал,
Девчоночка эта минует
Чужие пространства зеркал.

Пусть будут помада и пудра.
Пусть мальчик всю ночь напролёт
— Моя золотая Лахудра!
В её занавеску поёт.

август 2010

МОРСКОЙ ВЕТЕР

Студит скальную проплешину
Волн гремящий хоровод.
Ветер ветреную женщину
Кромкой берега ведёт,

Как невесту, тропкой ломкою,
Не стыдясь, под локоток.
Ей приятно быть неловкою
Посреди его чертог.

То взметнёт ей юбку шалую,
То с утехой колдовской
— Хочешь, — шепчет ей, — пожалуйю
Чин владычицы морской?

Вскинет голову игривая,
Топнет ножкой в пену волн,
И, клубясь седыми гривами,
Перед ней качнётся чёлн.

Вспыхнут молниями плети,
Брызнут капли в волосах...
Только море, только ветер,
Только звёзды в парусах!

август 2010

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СТИХИ

Мне надо о насущном думать хлебе,
А я, чуть приподнявшись, на весу,
Охапку звёзд срываю в сонном небе,
Которые любимой принесу.

Рассыплю в изголовье. Пусть пространства
Неприбранные локоны плетут.
Пусть время перед щедростью убранства
Замедлит бег на несколько минут.

...Ночь глубока. Сон безмятежно вечен.
Искрится снег в завьюженных полях.
И звёзды, как рождественские свечи,
На белоснежных тлеют простынях.

декабрь 2011 — январь 2012

ЖЕНЩИНЫ ПУШКИНА

Провинциалки, душки, модницы,
К себе на чай и пироги
Впускавшие не дальше горницы
Его летящие шаги.

Прилежницы, тихони, книжницы,
На постоялый двор, в метель,
По научению яишницу
Ему носившие в постель.

Красавицы, кокетки, бестии,
Какая блажь вас с ним свела?
Ему б такую, как у Пестеля,
Чтоб каждый выдох стерегла.

Ему б дурнушку, дичку, схимницу,
Послушницу его дорог...
Чтоб и в небесную гостиницу
Его вела под локоток.

июнь 2011

* * *

Гляжу со всеми смыслами,
Пропаренный, босой,
На ту, что щами кислыми
Врачует мой постой.

То по воду кидается,
То веником шуршит.
Вздывается, качается
Её укромный быт.

А ночка под калиткою
Всё шепчет про своё.
Ажурной шито ниткою
Постельное бельё.

Пусть тает полуношная
На тумбочке свеча.
Мольба твоя истошная
Сгорает у плеча...

Усадит утром потчевать:
И водку, и рассол,
И всякого, и прочего
Навалит полный стол.

Почти женой законною,
Отряхивая сон,
За шторкою оконною
Пошепчет у икон.

Всё, понимая, грешная
Проводит вдоль села,
Где вдоволь безутешная
Рябина зацвела.

апрель 2010

* * *

Ходили б тропочкой одной,
Сплетали б руки повиликой
И пахли б волосы копной,
И рдели б губы земляникой.

Букеты б рвали по лугам,
Венками красили б макушки,
Смеясь, делили пополам
Неутомимый счёт кукушки.

Что за рубахи я б носил!
Какие платья ты б носила!...

Когда бы я тебя любил,
Когда бы ты меня любила.

июнь 2010

* * *

А.К.

Главной тревогою дня
Голос мой стынет в эфире:
«Не уходи от меня,
Лучшая женщина в мире!»

За вереницей шагов,
В звёздной пыли расстояний,
Ангельский вижу покров
Белых твоих одеяний.

Мушки моей полынья
Всё неотступней и шире.
«Не уходи от меня,
Лучшая женщина в мире!»

В путях оставшихся дней,
Внемля чужому наречью,
Я не найду ни добрей,
Ни терпеливей не встречу.

Не зажигаю огня.
Сор не мету по квартире.
«Не уходи от меня,
Лучшая женщина в мире!»

Январь 2012

* * *

Выходила за поветь,
К солнцу вскидывала руку.
Я любил, любил смотреть,
Как она идёт по лугу.

Как влюблёно вслед за ней
(И откуда только брались?)
Кошки всяческих мастей
Своеволью увивались.

Из вьюнов плела венки.
Ступни нежила в живице.
И кормились возле ног
Две былинные жар-птицы.

...Я давно не жду гостей.
Тишина — моё убранство.
Лентой теленовостей
Нарушаю постоянство.

Ну, какого мне рожна
Кто там власти не угоден!
От меня ушла жена...
От любимых не уходят.

Январь 2012

* * *

Живу на пасеке.
Меды в запасниках.
Пишу побасенки
О том, о сём.
Для пущей бодрости
Лежу на хворосте,
Такие «почести»
Мне нипочём.

Здесь лапти, тельники,
Мои отшельники,
Шныряют в ельники
Туда-сюда.
Несут из темени,
Согласно времени,
Грибного племени
По два ведра.

Зажгутся звёздочки —
Рюмашку водочки,
Да с девкой в лодочку,
Да на мысок.
Эх, Зина-Зиночка,
Дрожит осиночкой.
Её косыночка —
На узелок.

Всю ночь, как водится,
Нам хороводиться,
Покуда звонница
Не пропоёт.
Медами стелется
Трава-метелица,
И губы пенятся,
Как майский мёд!

сентябрь 2010

НАВЕСЕЛЕ

Что не выкинешь, брат, спьяну...
К лучшей девке на селе
Огородом по бурьяну
Я иду навеселе.
Нипочём мне злые мошки,
Нипочём дворовый пёс.
Я играю на гармошке
Песни радости и слёз.
Сторонись меня, крапива!
Сторонись меня, молва!
Водкой русского разлива
Восседает голова.
Вот такой я, брат, охальник;
Морда смотрит кирпичом,
Губы, словно целовальник,
Так и пыщут кумачом!
Сторонись меня, Иуда,
Не малюй меня в золе.
Я иду не ради блуда —
Ради жизни на земле!

июнь 2011

КУРОРТНЫЕ СТИХИ

По вечерам, над ресторанами...
А. Блок

Наискосок от дебаркадера,
Приняв в себя помпезный груз,
Отчалили два белых катера
В сопровождении медуз.

Мелькнули туфельки и платяца
И долетел девичий смех...
И к выходным клонилась пятница,
И пиво пенилось для всех.

Певцы, альфонсы и художники
Стенали, шурились, клялись,
И в рясах стойкие безбожники
За мелочь матерно дрались.

Бомондом, нищими, подонками
Пестрил курортный городок...
А мне хотелось чувства тонкого,
Когда берут за локоток.

Хотелось тайного участия,
Завидев лёгкий силуэт,
На шоколадное запястье
Надеть нефритовый браслет.

И не дослушав благодарности,
Не возвращая ей руки,
Без возрастной высокопарности
Прочесть наивные стихи.

Август 2011

КАРЕЛЬСКИЙ ВАЛЬС

Походный костёр догорает,
И тает над озером медь.
Мне суток пути не хватает,
Чтоб рядом с тобой посидеть.

Задёрнуты сетки палаток,
Дрожат огоньки на свечах,
И куртка в знакомых заплатах
Грустит у тебя на плечах.

Волна камышинки качает
И студит прибрежную цветь.
Мне суток пути не хватает,
Чтоб руки твои обогреть.

Летят мотыльки на уголья.
Дым застит ресницы — до слёз.
Мне было и будет довольно
Лететь на твой запах волос.

Всю ночь будет сниться и таять
Карелии тайная речь.
Мне суток пути не хватает,
Чтоб сон твой украдкой стеречь.

Август 2011

СТОЛИК НА ДВОИХ

Провинциальный ресторанчик,
Салат, столовое вино
И я — давно уже не мальчик,
И ты — не девочка давно.

Июль. Распахнута портьера,
И вечер нам благоволит,
Но жизни прожитая мера
Держаться берега велит.

Ах, эта жизнь! Скучна, как скряга.
Заглядывая наперёд,
Её натруженная тяга
Нас от земли не оторвёт...

Безмерно жаль наш поздний лепет
И не подаренных гвоздик.
И всё же был великолепен
Тот летний столик на двоих.

Октября 2011

* * *

Денёк задиристо хорош,
Весь в жемчугах, в алмазной вате.
И солнца царственная брошь
С небесных зарится полатей.
Поскрипывает сапожок.
Сорочий трёп ведёт под ёлку,
Где первый за зиму снежок
Украсил каждую иголку.
Смотри, в округе — не души.
Так что ж нам почивать в обозе,
Когда так губы хороши,
Свежи и жгучи на морозе!

февраль 2011

ШОССЕ ЛЮБВИ

Влюблённые не смотрят мимо.
Они в объятиях шоссе
На всех парах неотвратимо
Летят по встречной полосе...

Судеб сквозные светофоры,
Мигалки радости и слёз
И тормозных путей узоры
У разделительных полос.

июнь 2011

* * *

Время не мчится
Ко мне на подмогу.
Я забываю
Тебя понемногу.
Ветер уносит
Родное дыхание.
Я отвыкаю
От привыканья.
Я растворяюсь
В слепой обезличке.
Перенимаю
Чужие привычки,
Чтоб не мерещилось,
Чтоб не казалось,
Что от тебя во мне
Что-то осталось.

Всё перепробовал.
Впору отчаяться...
Не получается.
Не получается.

сентябрь 2010

ПРОЩАЛЬНОЕ

Я пришёл к тебе на встречу
И других не будет встреч.
Я пришёл негромкой речью
Звуки памяти извлечь.

...Ты когда-то выбегала
Мне на встречу в чём была.
Завернувшись в одеяло,
Выдыхала: «Я ждала!»

Придвигала мне закуску —
Плошку ягод из тайги
И дарила мне вприкуску
Ласки долгие свои...

Стынет убранный тело.
И рассудку не понять;
Не под нами ли скрипела
Эта скорбная кровать.

И в окошке, у овина,
Гроздь спелые гурьбой:
Всё калина, да рябина...
Будто не было другой.

июнь 2011

* * *

Стылый ветер сеет смуту,
Выгибает провода.
Добрый буду, щедрым буду...
А любимым — никогда.

Развернусь спиной к худу,
На запоры — ворота.
Тихим буду, нежным буду...
А любимым — никогда.

Обращусь к честному люду:
«От меня — на грош вреда».
Мудрым буду, верным буду...
А любимым — никогда.

Не ищи меня повсюду.
Я — где в поле лебеда.
Вольным буду, знатным буду...
А бессмертным — никогда.

июнь 2011

* * *

И впрямь пора стоит пригожая
И за столом одна родня.
Запоминается хорошее.
Но это всё не про меня.

Мне это благо не обещано.
Уже давно в разлуке с ним.
Хорошее — оно, как женщина,
Что по ночам живёт с другим.

... Меня любившие, о ком вы там?!
Я сам в бокалы лью вино,
Скитаюсь за полночь по комнатам,
Хоть знаю — в доме никого.

Но примирившись с этой ношей,
Вам говорю, любовь храня,
Запоминайте всё хорошее,
Как вы запомнили меня.

Август 2011

* * *

Хвачусь тебя (как не было),
В предчувствии беды.
По морю ли, на небо ли
Ведут твои следы.
Снега лежат могучие.
Морозище — что пёс!
Куда тебя летучую
Мятежный дух занёс?
В ближайший храм ли,
в ратушу?
(Босая! Бог ты мой!)...

А ты вселилась за душу
И в холод — ни ногой.

июнь 2011

НЕОБХОДИМАЯ

Дивлюсь твоим трудам, любимая,
Найти в мелькающей толпе
Среди для всех необходимого —
Необходимое тебе.

И на виду у века стылого
В непостижимом кураже
Всё выносить: меня постылого,
Невыносимого уже,
Полёты с кручи счастья мнимого
И обещаний горький дым...

Не обходи, необходимая,
Меня прощением своим.

июль 2010

* * *

Дочери

Ты кривишь губы, снова уходя,
В чужие стены, запахи и руки.
Дитя моё, прекрасное дитя,
Ведь я тебя растил не для разлуки.

Ухватит горло судорога скул,
Когда ты мимо голову проносишь.
Какую муку я в тебя вдохнул,
Коль ты меня и на дух не выносишь?!

Захлопнешь двери гулко, от себя.
Осядет звук. И станет в доме пусто.
Ненужностью повеет от тряпья,
И тишина навалится до хруста.

Дитя моё, любимое дитя,
Сосуд из первородного литья,
Которым может каждый насладиться...

Ни рук омыть, ни вдоволь не напиться.

апрель 2010

* * *

Листопад в глазах.
Первый снег волос.
Ты ещё в слезах.
Я уже без слёз.
Мы стоим едва
На длину руки.
Мимо нас — слова,
Мимо нас — шаги.
Проседает твердь.
За меня держись!
Позади нас — смерть.
Между нами — жизнь!
И твоя рука,
И моя — легки.
Впереди века.
Впереди стихи.

апрель 2010

УШЁЛ НА ПОИСК ИСТИНЫ И СЛОВА

БОЛДИНО

1

Отрадою лугов наполнено,
В июньский зной погружено,
Струит раздумчивое Болдино
Стихов душистое вино.

Свивает кружева узорные
В низинах звонкая коса,
И в чаши смотрятся озёрные
Слегка хмельные небеса.

И раззадоренные далями,
Пружинисто, наискосок,
Два облачка, блестя эмалями,
За дальний тянутся лесок.

Всё в упоенье! Всё разбужено!
Спеша из северных тенёт,
Всё кажется, кибитка Пушкина
Вот-вот на взгорке промелькнёт.

2

Здесь бродят звёздные миры
Совсем, как люди, по дорожке.
Во Львовке злые комары
И добродушнейшие кошки.

Здесь барский дом в плену дерев
Всё так же трепетно опрятен,
Что даже вечность, долетев,
На нём не оставляет пятен.

Поверишь в замысел Творца,
Когда шагнёшь в тенистый ельник,
Где Семичев, как юный Дельвиг,
Стоит с бутылью у крыльца.

И в круг сойдясь, в добре и зле,
Поверишь после третьей кружки,
Что ты и сам немного Пушкин
И не случайный на земле.

июнь 2011

* * *

Воздух втяну решительней,
Выдохну, словно пресс.
— Здравствуйте, небожители,
Аборигены небес!

Полно вам застить облаком
Ваш вековой узор.
Кто там пшеничным локоном
Свесился в синь озёр?

Кто там, прикрыв воротину,
Смертную чужья связь,
Тихую свою родину
Крепит за коновязь?

Кто там, чтоб смыть постылое,
Выстудить в сердце сор,
В озеро входит стылое,
В детство своё — Кайдор?

Память моя дорожная.
Накрест к доске доска...
Вот отчего истошная
Рвётся из глаз тоска.

Воздух втяну решительно,
Выдохну, словно пресс:
— Ждите меня на жительство,
Аборигены небес!

сентябрь 2010

БЛАВГОДА

Убыль закатную пью по глотку.
Сердце томится в нахлынувшей благоде.
Каждой берёзке несу по цветку,
Каждой раките — по вызревшей ягоде.

Мимо погоста пройду по мосту.
Возле развилки сорву незабудку.
Каждой усопшей душе — по кресту,
Каждой мной встреченной — по первопутку.

Голос подам. Отнесёт далеко
Звуки напевные речка-молчальница.
Может, пою до сих пор оттого,
Что эта песня во мне не кончается.

апрель 2010

* * *

Я распишусь на белом русском снеге:
Сухарь последний отдал я калеке,
Домашний скарб весь выгреб под гребёнку,
Смех беззаботный передал ребёнку,
Скупую память — древней коновязи,
Усердье тела — придорожной грязи...

Нет мёртвого меня и нет живого.
Ушёл на поиск истины и слова.

октябрь 2010

* * *

Говорю на любви и на муке
Всем, кого не дождавшись, не ждут.
В час грядущей вселенской разлуки
Золотые слова прорастут.

И с небес, как снежинки под вечер,
В свете радуг и звёздных зарниц,
На аллеи, на крыши, на плечи
Стаи белых опустятся птиц.

Будут встречи легки и крылаты.
Будут все разговоры честны.
Все разъятые будут объаты
В белом поле прощённой вины.

Говорю на любви и на муке
Всем, кого не дождавшись, не ждут.
В час грядущей вселенской разлуки
Золотые слова прорастут.

март 2010

* * *

У меня — лишь бумага и строчки.
У тебя — полный дом заморочки.
Весь твой быт безнадегой загружен.
Упрекаешь — тебе я не нужен.
Не сердись, моя певчая птаха,
Пусть на мне лишь портки, да рубаха,
Да и те, как поётся в былине,
Все в заштопках, репьях и рванине.

Но какой ни была б одежонка,
Не стыдись своего лягушонка.
Утро вечера — всяко мудрее.
Слово вещее — всяко добрее.
Пальцем ткнёт в тебя дурень в заплатках —
Почивать тебе в царских палатах!

сентябрь 2010

ДАР РЕЧИ

Не знаю, что со мной такое.
Как никогда хочу покоя.
Со звуком порванной струны —
Неотвратимой тишины.
Назло смещениям орбиты —
Молчать молчаньем пирамиды,
Тщетой кладбищенских оградин,
Безмолвьем океанских впадин.
Молчать всерьёз, наверняка,
До атрофии языка,
Непоправимости увечий...
До овладенья даром речи!
И вот тогда сказать ТАКОЕ,
Чтоб не хотелось впредь покоя.

март 2011

* * *

Молчаливы и тихи,
Скрыты вечностью стихи.
Как голодные мышата,
Прогрызают дни стишата.
И пакуются в мешки
Вездесущие стишки.
Под покровом Божьей Леты
Сквозь века бредут поэты.
И, сбиваясь в кучу, льнёт
К стихоплёту стихоплёт,
Озираясь нервным взглядом,
Что кого-то нету рядом.

апрель 2010

Весна дарует всем права:
Кому тщету, кому величье.
Меняют краски дерева,
Купцы — товар, душа — обличье.

Ты даришь мне стихов десерт.
Но радость встречи всё короче.
Всё меньше памятных мне черт
В твоих наплывах междустрочий.

Гляжусь в тебя, как в иноверца.
Вот и в тебе не от добра
Линяет неумелость СЕРДЦА
На изворотливость пера.

И как-то так, само собою,
Из поэтических орбит
Тебя возносит над землёю.
Меня, лишь только тяжелит.

апрель 2010

* * *

Друг старательно ручкой выводит.
Ни черта у него не выходит.
Вроде скроены строки лихо,
Станешь слушать, а в сердце — тихо.
Будто в нём от потуг лихачества,
Всё живое скосили начисто.
Будто стала, с подошв до темени,
Кровь сама по себе, вне времени;
Не бурлит, не кипит, не студится,
Как в Женеве осенней улица...
Не хочу, чтоб в сетях покоя
И со мною стряслось такое.

июнь 2010

* * *

Осень без имени-отчества.
Хрупкая нить забытья.
Милое одиночество:
Музыки, листьев, дождя.

Клочья бумаги на скатерти.
Строчки оборванной след...
Нет ничего притягательней
И безответнее нет.

Январь 2012

СТИХОТВОРНЫЙ ЦИКЛ «ГРИМАСЫ ВРЕМЕНИ»

* * *

Всю жизнь печалился до слёз
О выпадении волос.
Но никогда в постигшей горести,
Об отмирании в нём совести.

* * *

Всему достойному могильщик,
Казённых денег слыл удильщик.
Но сам, за долго до конца,
Судьбой был пойман на живца.

* * *

Играла роль салонной скрипки.
Дарила томные улыбки.
Но лишь простой брала аккорд —
Во двор выпрыгивал народ.

* * *

Не разделял стремленье к Богу
На храм, мечеть и синагогу.
Держа по ветру нос и ухо,
Был в свояках святого духа.

* * *

Мысль изменять ей то и дело
Его и после свадьбы грела.

* * *

Он был талантом всех тощей.
Владел пером пустым инертным.
Но, как и сказочный кашей,
Считал свой скромный дар бессмертным.

* * *

Когда-то, не жалея сил,
В груди он Родину носил.
Но в сих трудах, набив оскому,
Он передал её другому,
Чтоб тот другой, по мере сил,
Её и дальше поносил.

* * *

Нет никакой крамолы тут.

Востребован церковный труд;
За руль усевшимся дебилам,
Авто обмахивать кадиллом.

* * *

Он бросил скит, обрёл дипломы,
Вселился с матушкой в хоромы.
Завёл лендровер, интернет.
Ест свежих устриц на обед.
Морской круиз, поездку в Лхасу
Заполучил в обмен на рясу.
И данью обложил приход —
На кругосветный крестный ход.

* * *

Ему и стульчик на пароме,
И в сельсовете — бутырброд.
Авось, зятёк его в газпроме
До глухомани снизойдёт.

* * *

В год он чествовал две даты:
День вхожденья в депутаты
И главнейшую из дат —
Первый в должности «откат».

* * *

Была собою хороша.
Вкушала явства, не спеша.
Радея о простом народе,
Гасила нежность в бутырброде,
И проливала на ковёр
Слезною сдобренный ликёр.

* * *

Мой бедный критик, что с тобой?
У самиздата под пятой
Строчишь хвалебные статейки
Под стейки с чёрною икрой.
Тебя давно бы выгнал вон
Неистовый Виссарион!

* * *

Скорбит «духовная элита»:
«Народ в петле! Страна пропита!»
И день и ночь бормочет в слух:
«За восемь пьяных — трезвых двух!»
...А нам с тобой, в застольях рьяных, —
За двух кремлёвских — восемь пьяных!

* * *

Наш день сегодняшний безумен:
Спит дипломат и спит игумен,
Законодатель тоже спит,
Бомонд в две дырочки сопит...
Не спят суды, тюрьма и плаха,
Не спит последняя рубаха,
Топор, орясина и вилы,
Не спят натруженные жилы.
Не спят, бредущее без крова,
Испепеляющее слово.

* * *

Отец говаривал: «Буфет
Весь умещался на лафет.
Пока вкушали по осьмушке,
Победный май палил из пушки.
И в мире не было сытней
Незабываемых тех дней!»

Зато сегодняшний буфет
Оставил внуков без конфет...

* * *

Исчезли пахари, жнецы,
Вкусив пожизненные сроки...
И подались лжецы в пророки
И в государи — подлецы.

июнь 2011